

Кортес Хоакин

05.12.01

Цыганская душа Кортеса его ногам покоя не дает

Хоакин Кортес на пресс-конференцию в гостинице "Балчуг" перед своим единственным концертом в Москве опоздал из-за мюнхенской метели ровно на час. Журналисты покорно выслушивали бюллетени девушек из InterMedia: господин Кортес уже едет в гостиницу, господин Кортес уже поднялся в свой номер, господин Кортес даже не перекусил и уже направляется в зал, господин Кортес сможет отвечать на ваши вопросы только двадцать минут... В ожидании мужчины, которого специально прилетел приветствовать в России Мануэль Каррера — бриллиантовый король и владелец знаменитой фирмы Carrera у Carrera, никто не роптал.

Наконец появившись, "принц фламенко", как окрестили Кортеса, был мил и обаятелен, с удовольствием вспоминал, как учился танцевать в родном Мадриде, выступал в Национальном балете Испании, приезжал с ним на юбилей Майи Плисецкой в Москву, темпераментно восторгался наличием кока-колы в современной России и рассуждал о популярности латиноамериканской культуры в современном мире. Но заподозрив в усталом невысоком шутом мужчине демонического танцовщика с рекламных постеров, из-за которого несколько лет назад чуть не отравилась Наоми Кэмпбелл и перед чарами которого не устояла Наталия Орейро, было невозможно.

Ощутить магическую власть Хоакина Кортеса, которую в красках расписывают бульварные газеты и элитные журналы от Европы до Австралии, удалось только в Кремлев-

Х.Кортес

ском дворце. Он вышел к шестистячному залу в сопровождении восемнадцати оркестрантов и певцов в шоу под необъятным названием "Live", чтобы показать в Москве фламенко — танец своих предков, испанских цыган. Но это было не то фламенко, которое пестуют в своих воспоминаниях старые балетоманы, тоскующие о благородном пафосе Антонио Гадеса, о блестящих дро-

бях ног и картинной выразительности рук.

Кортес не выносит танца, замурованного в традиции. Он выводит фламенко на стадионы, чтобы оно стало искусством XXI века. Танцовщик, в последнее время с энтузиазмом завербованный Голливудом, поставил "Live" в соответствии с его эклектичными вкусами: фламенко здесь соединилось в адской смеси с

латиноамериканскими ритмами, арабскими мелодиями и джазовыми импровизациями, которые написаны самим Кортесом и его тремя друзьями. "Для меня это самый интимный спектакль, в котором я обращаюсь к своим цыганским корням", — говорит он, заставляя зал вибрировать в такт каждому движению тела. Фламенко никогда не было только танцем — оно всегда сочеталось с музыкой, пением и даже поэзией. В пустоте огромной черной сцены, задник которой подпирают музыканты, а декорациями служит лишь виртуозно срежиссированный свет, под гортанный голос рыжеволосой певицы Кортес продолжает исследование таинственной цыганской души, начатое в спектакле "Цыганская страсть" шесть лет назад. На протяжении полутора часов он неистово вколачивает в пол четветку, аккумулируя на себе внимание зрительного зала. Исповедальность, помноженная на виртуозную работу пятки и носка, увеличенную огромными экранами по обоим концам сцены, превращает его почти беспрерывное пребывание на сцене в корриду со зрительным залом, который долго не хочет поверить, что современное фламенко может обходиться без кастаньет и вееров.

В финале шоу зал имперского Кремлевского дворца встает, как на стадионе. Неистовый темперамент Кортеса сумел сделать то, что пока не удается всему русскому балету: трансформировать вековую традицию, чтобы сделать ее близкой народу.

Анна ГАЛАЙДА

Фото И.ЗАХАРКИНА

Кучьтура. 2001-28 4095-5 дек-01